

Т.М. Фадеева

**ТИТУЛ ЕКАТЕРИНЫ II «ЦАРИЦА ХЕРСОНИСА ТАВРИЧЕСКОГО»
КАК ЧАСТЬ «ГРЕЧЕСКОГО ПРОЕКТА» И РОЛЬ ЕПИСКОПА
СТАНИСЛАВА БОГУШ-СЕСТРЕНЦЕВИЧА В ЕГО
ГЕРАЛЬДИЧЕСКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ОБОСНОВАНИИ**

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос о новом императорском титуле Екатерины II. От даты присоединения Крыма к России 8 апреля 1783 г. прошло менее года, когда 2 февраля 1784 г. была принята новая форма полного титула императрицы, в котором появились слова «Царица Херсониса Таврического», и указ Сенату об учреждении Таврической области. Замыкая ряд ранее присоединенных ордынских ханств, ныне царств Казанского, Астраханского, Сибирского, Крымское ханство выступило под названием царства Херсониса Таврического, отсылавшего к античному и византийскому наследию и отвечавшего идеям «Греческого проекта».*

При скудости знаний о Крыме и даже о локализации Херсонеса – Херсона – Корсуни как места крещения Руси возникает вопрос об источнике самой формулы и участвовавшего наименования Крымского полуострова определениями «Таврический» и «Таврида». Представляется, что при ответе на эти и другие вопросы может помочь обращение к научному и литературному наследию римско-католического архиепископа Станислава Богуш-Сестренцевича, посвященного Крыму, и его контактам с Г.А. Потемкиным и Екатериной II. Особое внимание автором уделено сочинениям архиепископа «История царства Херсонеса Таврического (Истории Тавриды)» и трагедии «Гикия в Тавриде», по мотивам труда Константина Багрянородного «Об управлении империей».

***Ключевые слова:** Екатерина II; «Греческий проект»; локализация Херсона – Корсуни; Херсонес Таврический; Станислав Богуш-Сестренцевич; трагедия «Гикия в Тавриде»; Константин Багрянородный; таврская богиня в нумизматике и эпиграфике; царица – базилисса Херсонеса.*

Фадеева Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). Москва, Россия.

E-mail: fadeewatatjana@yandex.ru

Scopus Author ID: 57417541300

ORCID ID: 0000-0002-6371-9157

T.M. Fadeeva

**Catherine II's title "Tsarina of the Tauric Chersonesus" as part of the
'Greek Project' and the role of Bishop Stanislaw Bohusz-Siestrzeńcewicz
in its heraldic and geographical justification**

Abstract. *The article examines the issue of the new imperial title of Catherine II. Less than a year had passed since the annexation of Crimea to Russia on April 8, 1783, when, on February 2, 1784, a new form of the empress's full title was adopted, in which the words "Tsarina of the Tauric Chersonesus" appeared, along with a decree to the Senate on the establishment of the Tauride region. Closing the row of previously annexed Horde khanates, now the kingdoms of Kazan, Astrakhan, and Siberia, the Crimean Khanate was designated under the name of the kingdom of Tauric Chersonesus, referring to the ancient and Byzantine heritage and responding to the ideas of the "Greek project."*

Given the paucity of knowledge about Crimea and even about the localization of Chersonesus–Kherson–Korsun, as the place of the baptism of Rus', the question arises regarding the source of both the formula itself and the increasingly frequent naming of the peninsula with the definitions "Tauride" and "Taurida." It seems that the answer to these and other questions can be found in the scientific and literary heritage of the Roman Catholic Archbishop Stanislaw Bohusz-Siestrzeńcewicz (1731–1826), which is dedicated to Crimea, and in his contacts with G.A. Potemkin and Catherine II. Particular attention is given to his works "The History of the Kingdom of Tauric Chersonesus" ("The History of Taurida") and the tragedy "Gikia in Taurida", based on the work of Constantine Porphyrogenitus.

Keywords: *Catherine II; "Greek project"; localization of Kherson-Korsun; Tauric Chersonesus; Stanislaw Bohusz-Siestrzeńcewicz; tragedy "Gikia in Taurida"; Constantine Porphyrogenitus; Taurian goddess in numismatics and epigraphy; queen – basilissa of Chersonesus.*

Fadeeva Tatyana Mikhailovna – Candidate of Historical Sciences,
Leading Researcher of Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Moscow, Russia.

E-mail: fadeewatatjana@yandex.ru

Scopus Author ID: 57417541300

ORCID ID: 0000-0002-6371-9157

В статье рассматривается история появления нового императорского титула Екатерины II «Царица Херсониса Таврического», зафиксированного геральдически менее чем через год после присоединения Крыма к России.

Манифестом от 8 апреля 1783 г. объявлялось, что «полуостров Крымский, остров Таман и всю Кубанскую сторону» решено было «взять под державу Нашу» [О принятии... 1830, с. 898], а уже 2 февраля 1784 г. была учреждена Таврическая область [Об учреждении... 1830] и принята новая форма полного титула императрицы: «Божию поспешествующею милостию Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская: Московская, Киевская, Владимирская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская,

Царица Сибирская, Царица Херсониса Таврического, Государыня Псковская...» [Форма полного титула... 1830, с. 17]. Итак, в титулатуре появились слова «Царица Херсониса Таврического».

Каковы особенности новой формулы и что послужило основой ее появления? С конца XVI в. в титуле российских государей было три «царства» – Казанское, Астраханское и Сибирское¹. Логично было бы ожидать, что Крым как ликвидированное ханство продолжит ряд бывших ордынских ханств под названием *Крымское царство*. Однако он замкнул этот ряд в ином качестве – как *царство Херсониса Таврического*. Здесь статус царства трактовался шире, отсылая «к византийскому наследию» [Пчелов 2012, с. 175]. «Ведь царями на Руси именовали прежде всего византийских императоров, – подчеркивает Е.В. Пчелов, – а само появление царского статуса у русских государей воспринималось также как воплощение преемственности от Византии», «частью» которой «Крым когда-то являлся» [там же].

Херсонес – античный город-полис – оставался центром византийских владений на Крымском полуострове, а в IX в. получил статус фемы – военно-административной области Византийской империи. «Царство Херсониса Таврического» подчеркивало «преемственность от Византии» как «одной из ее частей» [там же, с. 176]. «Сама же форма “Херсонис”, – подмечает Е.В. Пчелов, – отражала современное Екатерине II, новогреческое произношение, что соотносилось с актуальными политическими задачами “Греческого проекта”» [там же].

Екатерина II и поощряемые ею идеи «Греческого проекта» трактовали присоединение Новороссии и Крыма «как справедливое “возвращение” на исконно православные греческие территории и восстановление на этих землях исторической преемственности от Византии, наследницей которой считалась Российская империя» [там же, с. 174]. Отсюда еще один аспект «Греческого проекта» – возрождение дотатарских названий – прежде всего *Таврия* и *Таврида*. Поэтому новая область именовалась не Крымской, а *Таврической*, ряду городов, известных с античности, возвращались прежние названия, а новые города получали названия, восходящие к греческой топонимии [там же].

Необычность, даже парадоксальность нового титула можно увидеть и в том, что авторы титула, живописуя Херсонес, причем не только как место крещения киевского князя Владимира, но как «царство», в момент присоединения Крыма к России располагали весьма смутными сведениями о локализации реального Херсонеса – Херсона. Русские и малороссийские книжники помнили о Корсуне как о месте крещения князя Владимира, не придавая значения его локализации. Однако после того как в середине XV в. жители оставили

1. Эти «царства» были ордынскими ханствами, обозначение которых царствами восходит к средневековой русской традиции наименования ордынского хана царем [Пчелов 2012, с. 175].

город, его местоположение было скоро забыто. «Поиски византийского Херсона стали актуальной задачей», поскольку «крещение Владимира в Херсоне было важным аргументом российской государственной идеологии, оправдывающей притязания на южные земли», — пишет в специальном исследовании этого вопроса Н.И. Храпунов [Храпунов 2016, с. 236]. По его наблюдениям, «путешественники и кабинетные исследователи предложили несколько вариантов локализации византийского города на Крымском полуострове и за его пределами» [там же].

Екатериной II была воспринята версия, согласно которой Херсон располагался в нижнем течении реки Днепр. 18 июня 1778 г. императрица своим указом новороссийскому генерал-губернатору князю Г.А. Потемкину предписала основать «гавань и верфь» на Днепро-Бугском лимане, назвав ее «*Херсоном*» [О назначении места... 1830, с. 722, 723]. Императрица первоначально предпочла локализацию на Днепре, исходя из кратких слов летописи о том, что князь Владимир, осадивший Корсунь, «ста... в лимени» [Повесть временных лет 1997, стлб. 109], где и был основан современный Херсон, причем устье Днепра воспринималось как залив Черного моря. Указание на лиман («в лимени») послужило основанием возникновения других вариантов. Так, В.Н. Татищев обратил внимание на Кинбурнскую косу и решил, что «Корсунь же не иной как ныне именуемой Кинбурн» [Татищев 1995, с. 232, примеч. 182]. Это соображение показалось императрице убедительным, хотя в «Записках касательно Российской истории» она допускала различные варианты: «Писатели о сем граде Корсуне говорят разное: иные кладут точно быть Кинбурну; другие полагают нынешнюю Ахтиарскую гавань на Черном море в Крыму; третьи почитают город Кафу на том же полуострове. Но понеже летописцы именно говорят Корсун на Лимане, то вероятнее видится Кинбурн» [Екатерина II 1787, с. 124–125, примеч. 9].

В отличие от кабинетных исследований, военные топографы уверенно располагали Херсонес на берегах Ахтиарской бухты. В письме Екатерине II Г.А. Потемкин назвал «Таврический Херсон источником нашего христианства, а потому и людскости» [Екатерина II и Г.А. Потемкин 1997, № 674, с. 180]. Здесь топоним «Таврический Херсон» уже употреблялся в значении всего Крымского полуострова [Храпунов 2016, с. 243].

Экспедиция В.Ф. Зуева (1754–1794) от Академии наук была направлена в Крым еще в 1781–1782 гг. [Тункина 2002, с. 43–44]. Затем Г.А. Потемкин организовал поиски развалин Корсуна как места крещения князя Владимира. Так, он поручил подполковнику Бальдани отыскать материальные остатки, связанные с этим событием. Посетив реальное городище Херсонеса в юго-западном Крыму, Бальдани нашел близ него остатки подземного водопровода [Богущ-Сестренцевич 1806, с. 340, примеч. 1], который, согласно летописи, Владимир при-

казал разрушить, чтобы принудить горожан сдаться². Эту локализацию поддерживал ученийший митрополит Евгений Булгарис, находившийся тогда в Крыму. В беседе с Ш.-Ж. Роммом в 1786 г. он указал, что «древний Херсон находился в Актиаре, на месте нынешнего Севастополя» [Ромм 2011, с. 71]. Летом 1783 г. Потемкин поручил К.И. Габлицу (1752–1821) «составить естественнонаучное описание Крыма “по всем трем царствам природы”» [Тункина 2002, с. 45]. «Физическое описание Таврической области» увидело свет в 1785 г., историческое было окончено в 1787 г.³ «Богатые античными памятниками земли обратили на себя внимание представителей различных слоев русского общества... приступивших к экономическому освоению... Новороссийского края, – пишет И.В. Тункина. – В списках широко распространились краткие исторические известия о Крыме, как правило анонимные» [там же, с. 39].

Все упомянутые, однако, сочинения были изданы уже после принятия нового титула императрицы и поэтому не проливают свет на его происхождение. Неудовлетворительное же состояние знаний о Херсонесе и Крыме в 1783–1784 гг., как показано выше, позволяет поставить вопрос: откуда была почерпнута формула «царство Херсониса Таврического»?

Обратимся к личности и трудам римско-католического архиепископа Станислава Богуш-Сестренцевича (1731–1826). «Поэт, драматург, переводчик, философ, лингвист, филолог и историк, – пишет о нем белорусский исследователь его творчества М.А. Попов, – он пользовался среди своих современников заслуженной славой эрудита и популяризатора научного знания» [Попов 2011, с. 42]. Уроженец Великого княжества Литовского, он питал естественный интерес к истории этого крупного и влиятельного средневекового княжества, которая неоднократно переплеталась с историей Крыма. Имя Станислава Богуш-Сестренцевича тесно связано с самой ранней историографией Тавриды. Именно в его сочинениях названию «Крымское ханство» устойчиво предпочиталась в тех или иных вариантах формула «царство Херсонеса Таврического», которая подразумевала под собой греческое и византийское наследие⁴.

2. В 1786 г. французский путешественник Ш.-Ж. Ромм видел в канцелярии таврического губернатора в Симферополе «сочинение г-на Бальдани о Тавриде» (не сохранилось) [Ромм 2011, с. 122].

3. К.И. Габлиц 29 мая 1787 г. в Карасубазаре (ныне г. Белогорск) поднес Екатерине II «первую часть исторического описания Тавриды, а также труд с анализом географических известий античных и средневековых авторов», за что получил от императрицы орден Святого Владимира 4-й степени и бриллиантовый перстень [Тункина 2002, с. 45–46].

4. Историческим «фундаментом» мифологемы «Царства Херсониса Таврического» предположительно стали упоминания «о Корсуньстеи стране» [Повесть временных лет 1997, стлб. 50] и о царице Корсунской Анне в русско-византийском договоре 944 г. и в изводе Жития святого Стефана Сурожского, соответственно.

Судьба или, скорее всего, крутые повороты истории екатерининского правления свели императрицу с архиепископом за 10 лет до присоединения Крыма к России. По итогам первого раздела Речи Посполитой (1772) в Российскую империю влилось население римско-католического исповедания (преимущественно этнические литовцы и белорусы), которому требовался духовный пастырь. На должность «Епископа Католических в России церквей» императрица выбрала Станислава Богуш-Сестренцевича. Этому способствовала его слава проповедника. Особенно важную роль в его карьере сыграла проповедь 13 ноября 1771 г. в кафедральном соборе в Вильно (ныне Вильнюс), в которой он после покушения на польского короля Станислава Августа Понятовского «осудил всякую попытку неповиновения» ему и «призвал во всем подчиняться монаршей воле» [Попов 2011, с. 43]. Во время «антиправительственного и антироссийского вооруженного восстания шляхты» (Барская конфедерация 1768–1772), отрицательного восприятия Станислава Августа и Екатерины II, необходимо «было обладать смелостью и блестящим ораторским мастерством, чтобы убедить» паству «в правильности своей точки зрения» [там же]. Речь была отпечатана и послана польскому королю, который в свою очередь велел разослать ее по владетельным европейским дворам. Екатерина II оценила ораторское искусство и ход мыслей Станислава Богуш-Сестренцевича как хорошего посредника между Императорским двором и католическим населением присоединенных земель.

Белорусские исследователи М. А. Попов и А. И. Ганчар считают, что 1773 г. оказался «переломным в судьбе» епископа [Попов, Ганчар 2012, с. 148]. Поясняя это, они пишут: «Определяя его на белорусскую кафедру, российская императрица... надеялась найти сотрудника, который не только был бы верным исполнителем ее воли, но также сумел бы понять ее политику, разделить ее идеи. Сам митрополит являлся одним из тех представителей католического духовенства, которые в XVIII в. выступали за идею подчинения церкви государству, видя в нем гаранта стабильного развития. <...> Екатерина II возвела С. Богуша-Сестренцевича в сан могилевского архиепископа-митрополита и заставила папу канонически утвердить свое назначение» [там же, с. 148–149].

Указ о назначении Станислава Богуш-Сестренцевича архиепископом Могилевским, который должен был передать ему Г. А. Потемкин, Екатерина II подписала 17 января 1782 г. (см. текст документа: [там же, с. 194–198]). Их встреча состоялась весной 1783 г. в Крыму. Потемкин предложил архиепископу, по словам историка А. В. Старчевского, написать «историю новоприсоединенной страны» [Старчевский 1852, с. 58], будучи поражен не только его «обширной эрудицией» [там же, с. 57], но и особенно формулой «царство Херсонеса Таврического», удачно сменившей название «Крымское ханство».

В 1783 г., после путешествия в Крым, полный впечатлений и «желающий отблагодарить» [Попов 2011, с. 44] императрицу и Г. А. Потемкина, Стани-

слав Богуш-Сестренцевич сочинил трагедию в стихах «“Гиция в Тавриде”». Трагедия, написанная автором “Истории Таврической”» («Gicya w Taurydzie. Tragedia przez autora «Historii Tauryskiej» napisana»), изданную в Могилевской типографии в том же году. Такое заглавие дало повод польскому библиографу К. Эстрейхеру отнести первое издание «Истории Тавриды» к 1780 г. [там же, с. 46, примеч. 2]. Речь могла идти о раннем варианте рукописи по истории Крыма, которую автор после путешествия по Тавриде с Потемкиным и прямого заказа по написанию такого труда счел необходимым дополнить и усовершенствовать. В пользу предположения о варианте более раннего издания в местной типографии (в 1774 г. им была основана в Могилеве типография, печатавшая не только духовную, но и светскую литературу) свидетельствует то, что сюжет о Гикии, героине Херсона, означает знакомство автора с сочинением византийского императора Константина Багрянородного (908–959) «Об управлении империей», которое кратко воспроизводилось во всех изданиях «Истории Тавриды». Трагедия «Гикия в Тавриде» неоднократно ставилась «на сцене театра» З.Г. Чернышева – в 1772–1782 гг. белорусского генерал-губернатора [там же, с. 44]. В настоящее время оригинал трагедии хранится в библиотеке Виленского университета [там же]. Профессор Гданьского университета, исследующая историю польского театра XVIII в., И. Кадульская предположила, что Станислав Богуш-Сестренцевич написал пьесу в связи с приездом в 1780 г. Екатерины II в Могилев для встречи с императором Иосифом II [Kadulska 1997, s. 55]. Сюжет трагедии был заимствован у Константина Багрянородного и значительно переиначен в духе трагедий времени, где главной пружиной действия обычно была борьба между любовью и долгом. *Царица* Херсона Гиция (Гикия) любила Савромата – сына боспорского короля. В боевом столкновении победу одержали войска херсонской царицы, после чего Савромат женился на Гикии. Согласно авторской задумке, «образ царицы Херсона... должен был символизировать образ... Екатерины II» [Попов 2011, с. 44; Попов, Ганчар 2012, с. 136]. Не здесь ли впервые прозвучал титул «Гикия, царица Херсонеса Таврического»?

Однако, «имев по должности мало свободных часов» [Богуш-Сестренцевич 1806, с. 7], митрополит Могилевский сумел завершить свой труд спустя 17 лет. В 1800 г. в г. Брауншвейг увидело свет двухтомное исследование на французском языке «Histoire du royaume de la Chersonese Taurique (Histoire de la Tauride)» [«История царства Херсонеса Таврического (История Тавриды)»], в котором описана судьба Крыма с древнейших времен и до его присоединения к России. Образованные круги общества смогли ознакомиться с этой работой год спустя, о чем свидетельствует посвящение императору Александру I, датированное июлем 1801 г. В 1806 г. Станислав Богуш-Сестренцевич издал исправленный и дополненный текст на русском языке под названием «История царства Херсонеса Таврийскаго (История о Таврии), сочиненная на французском языке Станиславом Сестренцевичем Богушем, Преосвященным Митро-

политом Римско-Католических церквей в России, Архиепископом Могилевским». Основанное на трудах античных и средневековых авторов, а также на впечатлениях от поездки по Крыму с князем Г.А. Потемкиным летом 1783 г. и с Екатериной II в ходе ее знаменитого путешествия 1787 г., сочинение архиепископа было одной из наиболее ранних и значимых работ по истории Крыма в период после присоединения полуострова к России. В 1824 г. в Санкт-Петербурге появилось обновленное издание на французском языке.

Главный упрек, обращенный к автору современными исследователями, состоит в том, что его труд сводится в основном к пересказу античных и средневековых источников, иногда дополняемых критическими замечаниями. Впрочем, едва ли в период нахождения полуострова под властью Крымского ханства и Османской империи были возможны научные исследования в нашем понимании. Автор ограничился материалом, которым можно было располагать в тех условиях, собрав необходимую основу для дальнейшего изучения полуострова, ставшего наконец доступным для ученых. Именно это, как заслугу архиепископа Могилевского, отметила И.В. Тункина: «Несмотря на компилятивный характер и полное отсутствие критики использованных автором источников... эта книга явилась одним из первых сводных пересказов нарративной традиции о северном побережье Понта» [Тункина 2002, с. 42].

Для последующих поколений исследователей сочинение стало «вернейшим указателем источников, в коих можно находить сведения о Тавриде» [цит. по: там же]. Добавим, что архиепископ, будучи видным ученым и ярким представителем эпохи Просвещения, не ограничился «сводным пересказом свидетельств разновременных письменных источников» [там же, с. 319], но высказал некоторые важные положения, развитые в дальнейшем другими. Сам выбор названия его сочинения послужил «установочным материалом», сосредоточившим внимание на античной и византийской традициях, столь важных для последующего обоснования идеи о Херсонесе-городе на берегу обширнейшей бухты юго-западного Крыма как сакральном месте принятия христианства на Руси.

В своем объемистом сочинении автор последовательно проводит в качестве названия полуострова, вместо общепринятого в его время *Крым*, – Таврия, Таврида, Таврический (Tavria, Tauride, Taurique): «...имя Таврии... есть древнейшее название сего полуострова, а тавры – древнейшие его жители» [Богущ-Сестренцевич 1806, с. 45]. Все остальные народы, во множестве перебывавшие на полуострове, были пришлыми, их имена отложились в многовековой истории полуострова – Киммерия, Скифия, Крымская Готия, Хазария и др., но пальму первенства, по мнению архиепископа, надлежало отдать самому первому, раннему, оседлому населению – таврам, отсюда *Таврия*, *Таврийский полуостров*, *Таврида*. Именно эти названия стали наиболее употребительными для Екатерины II, Г.А. Потемкина и, соответственно, для российских подданных.

Императрица проявляла особую заинтересованность в восстановлении и даже изобретении греческих названий. В этом просматривалось волевое, намеренное начало, поскольку обращение к традиции собственно города и республики Херсонес античного и средневекового времени давало не так много. Херсонес – это просто полуостров (а таких названий было немало), далее следовало уточнение «Херсонес в Таврике» (см. подробнее: [Храпунов 2006, с. 579]). В свою очередь, Херсонес Таврический мог относиться к «малому Херсонесу» – «современному Гераклеяскому полуострову» [там же, с. 572], ограниченному линией (предположительно стеной), проведенной между верховьями бухт Севастопольской и Балаклавской. В лучшие времена он включал и более обширные территории, но при этом никогда не служил обозначением Крыма в целом. Однако, как предпочтение греко-римской, византийской традициям, названия *Херсонес Таврический*, *Таврида* распространились на весь полуостров.

Еще один вопрос, пока не нашедший объяснения, возникает в связи с заглавием сочинения Станислава Богуш-Сестренцевича «История царства Херсонеса Таврического...». Автору, знатоку античных и средневековых текстов, было отлично известно, что Херсонес, в отличие от Боспорского царства, с самого начала был республикой и соблюдал принципы коллегиального, выборного правления на всех этапах своего существования. Более того, в его сочинении соответствующий раздел озаглавлен так: «Книга VI. О Херсонитской или Херсонесской Республике в Таврии» [Богуш-Сестренцевич 1806, с. 285]. Откуда же царство?

Херсонес являлся представителем интересов Империи: «Ведущий византийский центр Крыма, с которым по значимости не могли соперничать иные города и крепости Таврики, оставался оплотом империи, одной из ее нескольких десятков военно-административных единиц – фем» [Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 268]. В договоре 944 г. ««князи Рустии» признавали византийскими все («елико же есть») города «Корсунской страны», то есть не один Херсон, но, очевидно, известные «кастра климатов» (горные крепости. – Т. Ф.), снова собранные воедино под властью василевса ромеев» [там же, с. 269].

Здесь необходимо обратиться к особенностям правления, связанным с духовным миром и религиозными традициями граждан, в которых отразился сплав эллинских и таврских представлений о верховном местном божестве и его роли в жизни республики. В настоящее время их дополняют археологические находки, предоставившие исследователям богатства эпиграфики и нумизматики. На их основе мы обратимся к вопросу о «царстве» в Херсонесской республике или о мудрости выборных правителей древнего Херсонеса.

Во всех изданиях «Истории Тавриды» архиепископ обращался к труду Константина Багрянородного, в котором последняя обширная 53-я глава посвящена Херсонесу [Константин Багрянородный 1989, с. 259–273]. Современные

историки в целом согласны, что в основу этой главы «легли местные, херсонесские хроники» [Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 97], о существовании которых свидетельствует, в частности, эпиграфическая находка – надпись в честь историка Сирика III в. до н. э. «К сожалению, – пишут исследователи Херсонеса, – они дошли до нас только в таком виде, “из вторых рук”, и поэтому вызывают... противоречивые толкования, требуют особенно осторожной исторической трактовки» [там же].

53-я глава посвящена перипетиям борьбы Боспорского царства за овладение Херсонесом, причем последняя попытка связана с тем, что боспорский царь Асандр устроил женитьбу своего сына на Гикий, дочери херсонесского протевона Ламаха. Последний поставил условием, чтобы молодые остались жить в Херсонесе, в доме тестя. Однако сын Асандра «тайно от жены приводил» в этот дом в течение двух лет «по несколько воинов, которые в подходящий момент должны были открыть ворота в городе боспорским войскам» [там же]. Гикия, случайно обнаружив засаду, как истинная патриотка родного города, пожертвовала домом и мужем: она «приказала закрыть выходы из дома», обложить его хворостом и «подожгла его» [там же]. Враги задохнулись в дыму и пламени, но город был спасен.

На этот сюжет книги «Об управлении империей» опирался Станислав Богуш-Сестренцевич в трагедии «Гикия в Тавриде», где перед ним стояла сверхзадача – прославить Екатерину II в образе Гикий. На правах автора-сочинителя архиепископ вывел свою героиню в образе царицы Херсонеса Таврического. Учитывая особенности управления Херсонесом, он имел на это определенные основания. В рассказе Константина Багрянородного упоминается, что в городе в честь Гикий за ее подвиг были поставлены две статуи. В одной она представлена в скромном виде в момент разоблачения перед старейшинами предательства мужа-боспорянина, на другой – в виде грозной воительницы с луком и копьем⁵.

Подобные статуи таврской богини Девы известны в античном мире, существование же такой статуи в Херсонесе исследователи связывают прежде всего с тем, что на серии монет она изображена в различных ракурсах. Так, нумизмат В.А. Анохин считал, что описание второй статуи «полностью соответствует раннему монетному типу Девы» («защищающейся»), а «версия, именующая

5. Византийский император писал: «Тогда как на одной стеле они поместили ее скромно наряженной и открывающей горожанам все, связанное с заговором ее собственного мужа, на другой они представили ее действующей и ведущей борьбу с затеявшими заговор против города. На пьедестале статуи они описали все совершенные ею с помощью божией благодетелью для горожан. Если находится любитель прекрасного, он регулярно от времени до времени обтирает пьедестал статуи, чтобы можно было прочесть на нем о событиях и вспомнить о совершенном ею и о провале козней боспорян» [Константин Багрянородный 1989, с. 271].

статую божества Гикией, появилась, вне всяких сомнений, в позднее время как результат приспособления остатков языческих верований и «идолов» к новой, христианской религии» [Анохин 1977, с. 76]. Действительно, на реверсе ряда херсонесских монет, начиная с выпуска, датируемого Анохиным 63–47 гг. до н.э., появляется тип «Дева в рост с луком и копьем», варианты которого существуют непрерывно почти до конца античного чекана, т. е. до второй половины III в. н.э. Авторы книги «Жизнь и гибель Херсонеса» подчеркивают, что «... описания этой статуи полностью совпадают со статуарным типом главной богини Херсонеса – Девы, который с середины I века до н. э. появляется на монетах города. Таким образом, в данном случае сведения письменных источников хорошо согласуются с изображениями на монетах» [Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 97]. Этого взгляда также придерживаются историки В.В. Хапаев и М.И. Золотарев, отмечая «статуи» в честь Гикии, «одна из которых изображала героиню в образе богини Девы-заступницы» [Хапаев, Золотарев 2008, с. 115].

Эпиграфические находки и изображения на монетах указывают, что херсонесцы с самого начала усвоили местный культ Девы. В знаменитой присяге, начинающейся с имен важнейших богов, она упомянута четвертой, но первой, предваряя неназванных олимпийских богов и богинь: «Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Девой, богами и богинями Олимпийскими, героями, владеющими городом, территорией и укреплениями Херсонесцев» [цит. по: Латышев 1909, с. 145]. Среди надписей, относящихся к культу Девы, есть посвящения от частных лиц, декреты и почетные надписи, охватывающие период с IV в. до н.э. по II в. н.э. Свидетельство «особого статуса богини» – «эпиграфические памятники, в которых вместо имени гражданина, являвшегося базилеем-эпонимом⁶, было выбито «В царствование Девы...»; «приложили печать в первом ряду: богиня-базилисса» (царица)» [Романчук 2008, с. 596]. Возникновение особого статуса богини было обусловлено постоянной военной угрозой (см.: [Толстой 1918, с. 112–113; Зограф 1951, с. 154–158]); к тому же средства на изготовление плит с декретами, а также для выпуска монет черпались из сокровищницы храма в кризисные времена. В такие годы «магистратура базилея-эпонима» нередко «оставалась вакантной» и «ее «занимала» богиня Дева» [Романчук 2008, с. 598]. В притворе храма Девы была поставлена мраморная плита с надписью III в. до н.э. в честь историка Сирика, а сам он увенчан золотым венком за то,

6. Т.е. «царем». Как писал В.М. Зубарь об управлении Херсонесом: «Определенное место в системе государственной власти занимал “царь”, именем которого назывался год. “Царь” также председательствовал на праздниках и был представителем государства в религиозных делах» [Сорочан, Зубарь, Марченко, с. 79]. Подобная практика наблюдалась и на «родине основателей Херсонеса – Гераклея Понтийской», как и «в некоторых других дорийских полисах», где «эпонимными магистратами» являлись «архонты-базилеи» [Романчук 2008, с. 596].

что в своем труде описал «явления Девы» как спасительницы города от различных угроз, начиная от варварских набегов и кончая непростыми взаимоотношениями Херсонеса с Боспором и с другими близлежащими городами⁷. Так в народном сознании отразилось представление о заступничестве богини, выступающей в статусе «басилиссы (царицы) Херсонеса Таврического». В честь нее воздвигались статуи, чеканились монеты с ее изображением, на пьедестале высекались надписи о победах со словами благодарности ее покровительству.

Представляется, что эта традиция отразилась в сочинении Константина Багрянородного в образе легенды о Гикии и ее статуях и, возможно, нашла продолжение в титуле, предложенном Станиславом Богуш-Сестренцевичем Екатерине II.

Библиография

Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV до н.э. – XII в. н.э.). Киев: Наукова думка, 1977. 176 с.

Богуш-Сестренцевич С. История царства Херсонеса Таврийского (История о Таврии). Т. 1. СПб.: Типография Шнора, 1806. 442 с.

Декрет в честь историка Сирика // *Inscriptions of the Northern Black Sea*. URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/3.1-ru.html> (дата обращения: 08.01.2026).

Екатерина II. Записки касательно Российской Истории. Ч. 1. СПб.: Императорская типография, 1787. 416, [2] с.

Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791 / изд. подгот. В.С. Лопатин. М.: Наука, 1997. 990 с.

Зограф А.Н. Античные монеты. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 264 с, 25 ил. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1989. 496 с.

Латышев В.В. Гражданская присяга херсонесцев // *ПОНТИКА*. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1909. С. 142–160.

О назначении места для заведения на Лимане гавани и верфи и о наименовании одного Херсоном // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В., 1830. Т. 20. № 14764. С. 722–723.

О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В., 1830. Т. 21. № 15708. С. 897–898.

Об учреждении Таврической области // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В., 1830. Т. 22. № 15920. С. 17–18.

Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1. Стлб. 1–286.

Попов М.А. Литературная и научная деятельность митрополита Станислава Богуша-Сестренцевича // *Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова: навукова-метадычны часопіс*. 2011. № 1. С. 42–51.

7. В почетном декрете в честь историка Сирика [Декрет...] записано, что каменную стелу с текстом постановления следует установить в преддверии храма Партенос.

Попов М.А., Ганчар А.И. Митрополит С. Богуш-Сестренцевич: формирование правительственной политики по отношению к Римско-католической церкви на белорусских землях (конец XVIII – первая четверть XIX в.). Гродно: ГГАУ, 2012. 278 с.

Пчелов Е.В. Царица Херсониса Таврического: крымский титул Екатерины Великой // Е.Р. Дашкова и XVIII век. М.: МГИ, 2012. С. 173–179.

Романчук А.И. Исследования Херсонеса – Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. В 2-х томах. Т. 1. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2008. 720 с.

Ромм Ш.-Ж. Путешествие в Крым в 1786 году // Петрова Э.Б., Прохорова Т.А. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 году». Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. С. 53–128.

Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков: Майдан, 2000. 828 с.

Старчевский А.В. Русская историческая литература в первой половине XIX века. Карамзинский период с 1800–1825 год // Библиотека для чтения. 1852. Т. 112. С. 49–108.

Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. 2. М.: Ладомир, 1995. 353 с.

Толстой И.И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг.: 2-я государственная типография, 1918. IV, 164 с.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.

Форма полного титула Ее Императорского Величества // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В., 1830. Т. 22. № 15919. С. 17.

Хапасев В.В., Золотарев М.И. Херсонес Таврический в мировой истории. Исторические очерки. Симферополь: Бизнес-Информ, 2008. 184 с.

Храпунов Н.И. Византийский Херсон и Екатерина Великая // Античная древность и средние века. 2016. Вып. 44. С. 236–251.

Храпунов Н.И. О древнем названии города: Херсонес Таврический или Херсонес в Таврике? // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: Таврия, 2006. Вып. 12, ч. 2. С. 571–584.

Kadulska I. Teatr Jezuicki XVIII i XIX wieku w Polsce. Z antologią dramatu. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1997. 552 s.

References

Anokhin V.A. Monetnoe delo Khersonesa (IV do n. e. – XII v. n. e.) [Coinage of Chersonesos (4th BC – 12th century AD)]. Kiev: Naukova dumka, 1977. 176 p. (In Russ.)

Bogush-Sestrentsevich S. Istoriya tsarstva Khersonesa Tavriyskago (Istoriya o Tavrii) [History of the kingdom of Tauric Chersones (History on Tavriya)]. Vol. 1. Saint Petersburg: Tipografiya Shnora, 1806. 442 p. (In Russ.)

Dekret v chest' istorika Siriska [Decret in honor of Sirisk]. Inscriptions of the Northern Black Sea. URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/3.1-ru.html> (date of access: 08.01.2026). (In Russ.)

Ekaterina II i G.A. Potemkin. Lichnaya perepiska. 1769–1791 / izd. podgot. V.S. Lopatin [Catherine II and G.A. Potemkin. Personal correspondence. 1769–1791 / prepared by V.S. Lopatin]. Moscow: Nauka, 1997. 990 p. (In Russ.)

Ekaterina II. Zapiski kasatel'no Rossiyskoy Istorii [Notes on Russian history]. Iss. 1. Saint Petersburg: Imperatorskaya tipografiya, 1787. 416, [2] p. (In Russ.)

Forma polnogo titula Ee Imperatorskogo Velichestva [The full title of Her Imperial Majesty]. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V., 1830. Vol. 22. N 15919. P. 17. (In Russ.)

Kadulski I. Teatr Jezuicki XVIII i XIX wieku w Polsce. Z antologią dramatu. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1997. 552 s.

Khapaev V.V., Zolotarev M.I. Khersones Tavricheskii v mirovoi istorii. Istoricheskie ocherki [Tauric Chersonese in world history. Historical essays]. Simferopol': Biznes-Inform, 2008. 184 p. (In Russ.)

Khrapunov N.I. O drevnem nazvanii goroda: Khersones Tavricheskii ili Khersones v Tavrike? [The City's Ancient Name: Tauric Chersonese or Chersonese in Taurica?] Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. Simferopol': Tavriya, 2006. Vol. 12, part 2. P. 571–584. (In Russ.)

Khrapunov N.I. Vizantiiskii Kherson i Ekaterina Velikaya [Byzantine Kherson and Catherine the Great]. Antichnaya drevnost' i srednie veka [Ancient Antiquity and the Middle Ages]. 2016. Iss. 44. P. 236–251. (In Russ.)

Konstantin Bagryanorodnyi. Ob upravlenii imperiei [On the Governance of the Empire]. Moscow: Nauka, 1989. 496 p. (In Russ.)

Latyshev V.V. Grazhdanskaya prisyaga khersonestsev [The civil oath of the Chersonese]. ПОНТИКА. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 1909. P. 142–160. (In Russ.)

O naznachenii mesta dlya zavedeniya na Limane gavani i verfi i o naimenovanii onogo Khersonom [On the designation of a place for the establishment of a harbor and shipyard on the Liman, and on the naming of it Kherson]. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V., 1830. Vol. 20. N 14764. P. 722–723. (In Russ.)

O prinyatii poluoostrova Krymskogo, ostrova Tamana i vsey Kubanskoj storony pod Rossiyskuyu derzhavu [On the adoption of the Crimean Peninsula, the island of Taman, and the entire Kuban region under the Russian Empire]. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V., 1830. Vol. 21. N 15708. P. 897–898. (In Russ.)

Ob uchrezhdenii Tavricheskoy oblasti [On the creation of the Tauride region]. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V., 1830. Vol. 22. N 15920. P. 17–18.

Popov M.A. Literaturnaya i nauchnaya deyatel'nost' mitropolita Stanislava Bogusha-Sestrentsevicha [Literary and scientific activity of Metropolitan Stanislav Bogush-Sestrentsevich]. Vesnik Magileyskago dzyarzhaynaga yuniversiteta imya A.A. Kulyashova: navukova-metadychny chasopis [Bulletin of Mogilev State University named after A.A. Kuleshov: scientific and methodological journal]. 2011. N 1. P. 42–51. (In Russ.)

Popov M.A., Ganchar A.I. Mitropolit S. Bogush-Sestrentsevich: formirovanie pravitel'svennoy politiki po otnosheniyu k Rimsko-katolicheskoi tserkvi na belorusskikh zemlyakh (konets XVIII – pervaya chetvert' XIX v.) [Metropolitan S. Bogush-Sestrentsevich: the formation of government policy towards the Roman Catholic Church in the Belarusian lands (late XVIII – first quarter of the XIX century)]. Grodno: GGAU, 2012. 278 p. (In Russ.)

Povest' vremennykh let po Lavrent'evskomu spisku [Primary Chronical according to the Laurentian Codex]. Polnoe sobranie russkikh letopisey [The Complete collection of Russian chronics]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1997. Vol. 1. Col. 1–268.

Pchelov E.V. Tsaritsa Khersonisa Tavricheskogo: krymskii titul Ekateriny Velikoi [Tsarina of the Tauric Chersonis: the Crimean title of Catherine the Great]. E.R. Dashkova i XVIII vek [C.R. Dashkova and XVIII century]. Moscow: MGI, 2012. P. 173–179. (In Russ.)

Romanchuk A.I. Issledovaniya Khersonesa-Khersona. Raskopki. Gipotezy. Problemy. V 2-kh tomakh [Studies of Chersones – Cherson. Excavations. Hypotheses. Problems. In 2 volumes]. Vol. 1. Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. 720 p. (In Russ.)

Romm Sh.-Zh. Puteshestvie v Krym v 1786 godu [Travel in Crimea at 1786 year]. Petrova E.B., Prokhorova T.A. Krymskie puteshestviya: Sharl' Zhil'ber Romm. «Puteshestvie v Krym v 1786 godu»

[Journey to the Crimea in 1786 // Petrova, E.B., Prokhorova, T.A. Crimean Travels: Charles Gilbert Romm. Journey to the Crimea in 1786]. Simferopol': Biznes-Inform, 2011. P. 53–128. (In Russ.)

Sorochan S.B., Zubar' V.M., Marchenko L.V. Zhizn' i gibel' Khersonesa [The life and death of Chersonesos]. Khar'kov: Maidan, 2000. 828 p. (In Russ.)

Starchevskiy A.V. Russkaya istoricheskaya literatura v pervoy polovine XIX veka. Karamzinskiy period s 1800–1825 god [Russian historical literature in the first half of the XIX century. Karamzin' period from 1800–1825]. Biblioteka dlya chteniya [Library for reading]. 1852. Vol. 112. P. 49–108. (In Russ.)

Tatishchev V.N. Sobranie sochineniy [Collected works]. Vol. 2. Moscow: Ladomir, 1995. 353 p. (In Russ.)

Tolstoi I.I. Ostrov Belyi i Tavrika na Evksinskom Ponte [Island Bely and Tavrika on the Euxine Ponte]. Petrograd: 2-ya gosudarstvennaya tipografiya, 1918. IV, 164 p. (In Russ.)

Tunkina I.V. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredin XIX v.) [Russian Science on Classical Antiquities of the South of Russia (XVIII – mid. XIX century)]. Saint Petersburg: Nauka, 2002. 676 p. (In Russ.)

Zograf A.N. Antichnye monety [antique coins]. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951. 264 p, 25 il. (In Russ.)